

Черепанов Игорь Владимирович

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА СОЗНАНИЯ

В статье выделяются три вида языка: человеческий, животный и кибернетический. Разводятся понятия символа и знака. Доказывается, что символический язык присущ только человеческому уровню бытия. Прослеживается взаимосвязь между сознанием и символическим языком, а также между символическим языком и социальной активностью субъекта. Аргументируется вывод о социальной природе сознания и о том, что животные сознанием не обладают.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 198-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 165.12

Философские науки

В статье выделяются три вида языка: человеческий, животный и кибернетический. Разводятся понятия символа и знака. Доказывается, что символический язык присущ только человеческому уровню бытия. Прослеживается взаимосвязь между сознанием и символическим языком, а также между символическим языком и социальной активностью субъекта. Аргументируется вывод о социальной природе сознания и о том, что животные сознанием не обладают.

Ключевые слова и фразы: сознание; социальная природа сознания; понимание; язык; символы; знаки; репрезентация.

Черепанов Игорь Владимирович, к. филос. н.
Новосибирский государственный технический университет
gradeco@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА СОЗНАНИЯ

Понимание неотделимо от сознания, поскольку если мы не осознаем смысла того или иного суждения, то и говорить о понимании последнего не приходится. Р. Пенроуз по этому поводу заявляет, что «осознание непременно должно быть существенным компонентом понимания» [3, с. 81]. Однако верно и обратное утверждение, которое заключается в том, что сознание неотделимо от понимания, поскольку осознанное отношение к чему-то с необходимостью подразумевает осознание смысла, генерируемого в акте понимания. Отсюда можно сделать вывод, что сознание неотделимо от языка, поскольку осмысленное понимание реализуется лишь в языковых структурах.

Действительно, сознание фиксирует некое феноменальное содержание психического акта, единство которого обеспечивается единством сознающего субъекта, в то время как подобного рода фиксация предполагает определенность фиксируемого содержания, поскольку в противном случае вообще невозможно установить, что фиксируется именно такое феноменальное содержание, а не какое-либо иное. В свою очередь, определенность последнего указывает на его смысловые границы, т.е. на его смысловую оформленность. Следовательно, сознание пребывает в стихии языка, вне которой не существует никакого смысла.

Поскольку же язык реализуется во взаимодействии множества сознающих субъектов, то отсюда вытекает, что сознание имеет социальную природу, возникая и существуя в коммуникативном пространстве общества. Но означает ли это, что ребенок, выросший вне общества, живет во тьме бессознательности? Многочисленные факты, связанные с обнаружением «маугли», которые жили долгое время вдали от цивилизации, свидетельствуют о том, что социальная среда является необходимым условием развития языка и разума. Но отсутствие последних еще не означает и отсутствия сознания, поскольку из того, что «маугли» не проявляет разумной и языковой активности, еще вовсе не следует, что он не осознает своих психических переживаний, например, боли, звуков и зрительных образов внешнего мира. Отсюда также возникает вопрос, связанный с тем, означает ли социальная природа сознания, что животные не обладают сознательным опытом и что вся их психическая жизнь носит исключительно бессознательный характер.

Прежде всего, следует заметить, что психические переживания, действительно, могут быть бессознательными, о чем, в частности, свидетельствуют психоаналитические исследования, показывающие, что значительная часть внутренней жизни человека протекает без участия сознания. Человек может испытывать на бессознательном уровне бытия по отношению к другому человеку обиду и страх, но при этом на сознательном уровне его эмоциональное состояние будет проявлено в виде любви и признательности. В психиатрии известен феномен так называемого слепого видения, когда человек видит окружающую обстановку и соответствующим образом реагирует на нее, но осознанно утверждает, что ничего подобного в его визуальном поле восприятия не наличествует. Строго говоря, вся психическая жизнь человека может протекать в бессознательном состоянии, включая языковую и разумную деятельность. Отсюда и возникает трудная проблема сознания, которая заключается в том, почему вообще существует сознание, в то время как вся психическая жизнь человека вполне могла бы иметь бессознательный характер без потери каких-то ее существенных компонент. Анализируя психические процессы, протекающие в душе человека, Д. Чалмерс полагает, что одним из самых сложных и загадочных вопросов философии сознания является вопрос, связанный с тем, «почему все эти процессы сопровождаются переживаемой в опыте внутренней жизнью» [5, с. 11].

С одной стороны, речь человека может быть бессознательной, несмотря на то, что ее содержание для стороннего слушателя будет при этом казаться разумным и осмысленным. С другой стороны, сознание человека может иметь и внеязыковые состояния, как это наблюдается, например, в медитативных практиках дзен-буддизма. Однако в первом случае мы сталкиваемся с речью человека лишь внешним образом, когда находящийся в сознании субъект проецирует на речевую активность другого субъекта какие-то смыслы и значения, но внутренним образом, т.е. в системе отсчета самого говорящего субъекта, если он пребывает

в бессознательном состоянии, не существует никакой собственно языковой активности, ибо отсутствует осознание смыслового содержания физически произносимых звуков.

Во втором случае если мы внимательно присмотримся к внеязыковым состояниям сознания, то обнаружим, что они отличаются от других ментальных (сознательных) состояний, в которых человек ведет с самим собой внутренний диалог, не отсутствием языковых структур, а иным качеством их бытия. Действительно, речь как реализация языка может быть артикулированной или неартикулированной. Медитативные практики с выключенным внутренним диалогом предполагают речь, лишенную артикуляции, т.е. такую речь, символическая структура которой погружается в бессознательную психику, тогда как на сознательном уровне бытия остаются лишь смысловые взаимосвязи, имманентные языковой структуре. Обычные состояния сознания, сопровождающиеся внутренним диалогом, предполагают уже артикулированную речь, которая манифестирует на сознательном уровне бытия всю символическую структуру понимающего отношения к какому-то положению дел. Здесь можно провести аналогию с неартикулированным и артикулированным чтением текстов. В процессе артикулированного чтения осмысленное понимание возникает за счет проговаривания текста либо вслух, либо мысленно. В отличие от этого, неартикулированное чтение не нуждается в проговаривании текста (вслух или мысленно), но тем не менее мы его осмысленно понимаем, на чем, собственно говоря, и основывается технология скоростного чтения.

Таким образом, медитативные практики не выводят сознание человека за пределы речи, а лишь трансформируют ее, погружая большую часть символических структур в бессознательную психику и оставляя на поверхности сознания смысловую компоненту, изъятую из общего контекста языковой репрезентации. Поэтому можно сказать, что медитативная культура дзен-буддизма, полагающая себя во внеязыковой стихии, – это на самом деле неартикулированная форма бытия языковых интенций человеческого сознания.

Отсюда можно сделать вывод, что сознание неотделимо от символического языка, возникающего лишь на социальном уровне бытия субъекта. Действительно, символический язык предполагает способность к саморепрезентации (т.е. представлению субъектом себя самого в виде символа, указывающего на нечто, от него отличное), тогда как информация о себе самом может быть получена только путем отражения своих действий в чем-то таком, что само обладает способностью к саморепрезентации, поскольку в противном случае познающий субъект не сможет выделить себя самого как познающего субъекта среди прочих познающих субъектов. Саморепрезентация (самосознание) носит социальный характер и может зародиться только во взаимодействии между субъектами, отражающими само репрезентативное отражение.

Саморепрезентация как отражение самого репрезентативного отражения формирует особый уровень символов, которые репрезентируют другие символы, используемые для отражения какой-то части реального мира. Этот метасимволический уровень бытия является необходимым условием языковой активности познающего субъекта и позволяет отличать подлинный язык как средство социального взаимодействия, выходящее за пределы информационного обмена, от псевдоязыка, используемого лишь для передачи определенного рода информации. В этом отношении подлинный язык не только передает информацию о чем-то предметном, но и фиксирует бытие самого говорящего, центрирует его и тем самым наполняет сознанием. Именно это существенное обстоятельство отличает человеческий язык от языка животных или языка, на котором общаются кибернетические аппараты.

Строго говоря, можно выделить три вида языка: 1) человеческий язык, в котором присутствует и говорящий субъект, отличный от самого процесса говорения, и проговариваемое содержание, отличное от совокупности языковых символов, 2) животный язык, в котором отсутствует говорящий субъект, отличный от самого процесса говорения, но наличествует проговариваемое содержание, отличное от совокупности языковых символов, и 3) кибернетический язык, в котором отсутствует и говорящий субъект, отличный от самого процесса говорения, и проговариваемое содержание, отличное от совокупности языковых символов. Однако следует заметить, что при определенных условиях человеческий язык может опускаться до животного или кибернетического уровня, когда человек продуцирует бессознательную речь или его речь становится лишь воспроизведением чужой речи без соответствующей психической ассимиляции.

Таким образом, сознание проявляется в стихии символического языка, который присущ человеку, но не животным, ибо последние в коммуникации друг с другом используют язык не символического, а знакового порядка, элементами которого являются не символы, а знаки (именно поэтому никакая деятельность животных неспособна породить символическое пространство культуры). Знаки же, в отличие от символов, сами по себе не имеют никакого смысла для субъекта, использующего их в качестве репрезентативных форм. Знак принимается конвенционально, по соглашению (осознанному или бессознательному), и не содержит в себе ничего такого, что указывало бы с необходимостью на означаемое, в то время как символ в себе самом содержит нечто такое, что связывает его ассоциативным образом с символизируемым предметом. Кроме этого, знак становится символом лишь тогда, когда он начинает репрезентировать объект в его реальном отсутствии и когда операции с реальным объектом заменяются операциями с символической формой, т.е. когда реализуется абстрактное мышление.

В своей работе «Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства» С. Лангер, стоящая на позициях эволюционной психологии, пишет: «Знак – это нечто, в согласии с чем совершается действие, или некое средство для обозначения действия; а символ – это орудие мысли» [2, с. 59]. И отсюда С. Лангер делает вывод, что животные толкуют знаки, за счет чего образуются условные рефлексы,

а люди интерпретируют символы, что проявляется в осознаваемых мыслительных актах. Другими словами, мышление животных – это мышление знаковое, представляющее собой бессознательный процесс, в основе которого лежат условно-рефлекторные взаимосвязи, а мышление человека может протекать и на сознательном уровне бытия, когда знаки трансформируются в символы и, расщепляясь на символизирующее и символизируемое, обретают собственную виртуальную (внутренне-психическую) жизнь. Бытие символизирующего в отрыве от символизируемого и есть бытие сознания, которое, в силу вышесказанных рассуждений, недоступно животным.

Подобной точки зрения, согласно которой сущность осознанного бытия сводится к его собственной символизации, придерживаются такие мыслители (философы, психологи и антропологи), как Д. Дьюи, Э. Кассирер, В. Келер, К. Коффка, Ж. Пиаже, Б. Рассел, Т. Рибо, А. Ритчи, А. Уайтхед и др. В частности, Э. Кассирер утверждает, что «человеческое познание по самой природе своей является символическим познанием» [1, с. 23], а также подчеркивает, что все формы культурной жизни «суть символические формы. Вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*» [Там же, с. 24].

Таким образом, сознание – это феномен социального порядка, свойственный исключительно человеку, в то время как животные существуют лишь на бессознательном уровне, хотя нам и свойственно проецировать на них некие сознательные реакции, которыми они в действительности не обладают. Животные – существа инстинктивно-рефлекторные, и поэтому всякое их поведение носит бессознательный, автоматический характер. Однако это несколько не исключает наличия у животных психики, а значит, и субъективного опыта, который, правда, должен пониматься не в смысле соотнесенности с субъективным центром осознания, ибо никакого индивидуального Я, обладающего самосознанием, у животных нет, а в смысле бессознательных переживаний, протекающих бесконтрольно и автоматически. В пользу существования такого опыта у животных свидетельствуют, например, эксперименты, поставленные на собаках и кошках, у которых были выключены зоны головного мозга, отвечающие за сонный паралич, после чего во время сна они демонстрировали, что видят сновидения, а следовательно, имеют субъективный опыт, который, однако, следует понимать не в смысле осознанного психического содержания, обладающего символическим характером, а в смысле совокупности инстинктивно-рефлекторных бессознательных реакций, выражающих в знаковой форме (причем выражающих именно для нас, внешних наблюдателей, поскольку в психическом опыте самих животных нет никакого внутреннего наблюдателя) определенный тип поведения.

Список литературы

1. Кассирер Э. *Философия символических форм*: в 3-х т. / пер. с нем. С. А. Ромашко. М. – СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. Язык. 271 с.
2. Лангер С. *Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства* / пер. с англ. М.: Республика, 2000. 287 с.
3. Пенроуз Р. *Тени разума. В поисках науки о сознании* / пер. с англ. А. Р. Логунова, Э. М. Эпштейна. М. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. 688 с.
4. Счастливцев А. Н. *Знаковая структура сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 183-191.
5. Чалмерс Д. *Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории* / пер. с англ. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.

SOCIAL NATURE OF CONSCIOUSNESS

Cherepanov Igor' Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Novosibirsk State Technical University
gradeco@yandex.ru

The article identifies three types of language: human, animal and cybernetic ones. The author distinguishes between the concepts of symbol and sign, proves that symbolic language is characteristic only for the human level of existence. The paper traces relation between consciousness and symbolic language and between symbolic language and the social activity of a subject. The researcher concludes on the social nature of consciousness and argues that animals don't have consciousness.

Key words and phrases: consciousness; social nature of consciousness; understanding; language; symbols; signs; representation.